

ДЕНЕЖНОЕ МЫШЛЕНИЕ — ВСЁ

ДЛЯ НАЧАЛА: камин-аут, как нынче принято (или уже не принято?) говорить. Никогда не умела зарабатывать деньги. Работать умела — я с 16 лет это делаю, причём сразу попала в большой коллектив на междугородную станцию — к телефонисткам. Заодно училась на инженера многоканальной электросвязи. При том, что я — дочь и внучка начальников. Но вот работала с юности.

Однако "make money-money" так и не обучилась, хотя, как все студенты в 1990-х читала книги по маркетингу Филиппа Котлера и даже получила второе — весьма престижное на тот момент — юридическое образование в МГЮА. Но по какой-то причине мне всегда было скучно думать о прибыли. Работа должна приносить драйв, прежде всего. Самому человеку-то. И — не гадить Вселенной.

Урок физкультуры.

В блаженных "нулевых" многие мои знакомые жили буйно: ездили в Таиланд расслабляться, тратили бесечно-текущие доллары на пикантные блюда, строили собачники с балюстрадами — на зависть почившим королям и бывшим директорам-парторгам, не сумевшим вписаться в рынок и вписать своих детей.

В общем, танцевали на VIP-столах в пропотевших Gucci, тряся честно наденными целлюлитами. Многие из них пали смертью храбрых, то есть, жирных: инсульты, инфаркты, диабет. Стресс и погоня за сладостно скрипящей "зеленью" баксов убрали нескольких супер-женщин — онкология не щадит даже очень хитрых и мудрых бизнес-леди.

Но то — ладно. Я в 2000-х сама претолкнула бытовала — ездила смотреть замки Луары, греческие развалины, римские мощности, кукольность германских городков. Но роскошно и нагло не жила никогда — не умела. И дача у меня — дедушкина, с венскими стульями, деревянным сортиром и без джакузей. Мне часто говорили, что я "могла бы" — жить иначе. И загребать сильнее. Но мне каждый раз становилось мутно, мутно и — главное — возникал цивилизационный вопрос: "А на фиг?"

Как-то в 2005-м соседка-по-офису затасила меня на тренинг по денежному сознанию: "Ты увидишь, как много пропущаешь мимо себя!" Где-то в центре Москвы, в бело-пластиковом офисе ухоженно-лощеная дама в красном мини-платье отлажено вешала про "советскую прививку бедности", о подсознательной нелюбви хомо-советикусов к богатым и глубинном неприятии крупных сумм. Ну что делать? Потом я стала цитировать блогером в Живом Журнале — ко мне стала поступать реклама, которую мне тоже было "лень ставить", и опять всплывал вопрос: "А на...?"

Так вот! С недавнего времени все эти люди-при-монетах сильно расстроились: их дивный мир: с коттеджами, Куршавельскими, прыжками восточными ногами и европейским супер-люксом, — начал рушиться.

Грехов они понадепали — вагон, а встретили зрелые лета и достойную старость как-то — увь. Их деньги разом перестали быть гарантом чего бы то ни было.

Дело не в том, что вирус косит и пенсионерок из пгт Большие Тараканы, и обёрнутую в Прада богиню раутов. Никто не вывезет в Израиль — срочно лечиться от прищеп на заднице; никто не примет в Англию — "родить бабку в приличном месте", никто не пустит даже в Болгарию, Черногорию и Сербию. Всё. Там ещё страшнее, чем в Больших Тараканах.

Дочка одного бывшего-знакомого-менеджера хотела тут покончить с собой — она так привыкла сызмальства к самому большому домику для Барби,

рия Брюсова в одном из военных стихотворений читаем: "Сквозь серые туманы солнце / Непрочно светит без лучей". Так и здесь — мерклое марево и выцветшие гимнастёрки. Лица стёрты и — тонко подёрнуты всепроникающей пылью.

Тут море звука — беспредельного и жуткого — потому что саундтреком звучат произведения Сергея Рахманинова. Кинолента "Мальчик русский" заслужила велеерчивые похвалы критиков — как в России, так и за рубежом, но очень тихо прошла на экранах страны (прокат был с 6 февраля). Авторские кино без яростных спецэффектов — замедленно вылетающей пули и могучих сполохов на грудах мяса — не увлекает большие

реальное, хотя, и жёстко-сословное братство пейзаж с аристократии.

Ремарк воссоздавал пробуждённого солдата-зверя, которому ничто не стыдно и никого не жаль: "Когда мы выезжаем, мы просто солдаты, порою угрюмые, порою весёлые, но как только мы добираемся до полей, где начинается фронт, мы становимся полулюдьми-полуживотными". Авторы фильма о русском мальчике делают ставку на божественную суть человека, ибо в хомо-сапиене высокое смешано с грязным. Что побеждает в полевых условиях?

Ещё одно парадоксальное свойство фильма: сюжет видится не собранным, вялым, как и сам главгерой, но при всём том — стремительно-ускоренным. Это

Заметки из самоизоляции

же — война, где бытие слагается из мгновений. Так, Алёша становится "слухачом", то есть он должен улавливать далёкий рокот приближающихся аэропланов. То была новоизобретённая жестокая резня с участием моторов, машин, железа и, как печально констатировал всё тот же Алексей Толстой: "Все представления о войне как о лихих кавалерийских набегах, необыкновенных маршах и героических подвигах солдат и офицеров — оказались устаревшими". Громоздкая машина — акустические воронки для прослушивания воздуха; в её формах есть нечто всепожирающее, будто она затягивает в себя человеческие жизни. Сельский гармонист Алёша чувствует любое душевное. Крошечный герой большой войны.

В России — одной из ведущих участниц Первой Империалистической или, как нарекли её на Западе, Великой войны — почти нет литературно-художественной "рефлексии". У Европы и Америки в этом смысле есть Олдингтон, Хэмингуэй, всё тот же Ремарк. Даже у Фицджеральда в его грустно-изысканном, жульническом "Великом Гэтсби" достаточно упоминаний о военном прошлом Джея. А у нас "война с германцем" рисовалась лишь как некое преддверие и предчувствие Революции.

Крах старого режима, когда никто не хотел поднимать скатившиеся короны... Ту сечу поминали как бессмысленное проклятие или — досадную трату людского материала. Кузен Вилли против кузена Ники и солдат Швейк с вечно-дурацкими шуточками. В детстве мы изучали гайдаровскую "Школу", где отец будущего красноармейца Бориса Горикова значился дезертиром и большевиком. В "Мальчике русском" тоже есть эпизод с раздачей листовок. И рефрен: "Скоро всё изменится". Это — не генеральная линия, а красный росчерк, без которого невозможно полотно эпохи.

Поскольку этот фильм нарочито обделён красотством, то и актёров подбирали не из каталога сериальных мачо: большинство исполнителей — не профессионалы, а взяты, что называется, "прямо с улицы". Основную роль играет детдомовец Владимир Корольев. Его поведение в кадре полностью соответствует заявленной теме, и, наконец, Станиславский устал молвить бы: "Да верю, верю".

Впрочем, глаз кинокамеры скользит хаотично, неизбирательно — словно хроникёру дали пару минут, чтобы запечатлеть кусочки солдатской жизни и тут же спрятаться от роковой случайности. Тут не фиксируют окоп, а плотно сидят в нём. Однако же "сермяжная правда" не переходит в отталкивающий натурализм. Создатели фильма балансируют на грани, бегают по лезвию бритвы — да ещё и пытаются не расплескать идею.

Эмоции срываются в жалость — блоковский, интеллигентскую: "Эта жалость — ее заглушает пожар, / Гром орудий и топот коней. / Грусть — её застилает отравленный пар / С галлицких кровавых полей..." Но жалость тут же корректируется спокойствием, исходящим от персонажей. Двум смертям не бывать, а одной — не миновать. Напегание смятения — фоновая музыка Рахманинова, пожалуй, самого точного учителя звука времени. Единственное, что смущает и откровенно мешает — это перебивки с участием современного оркестра, зачем-то репетирующего "Концерт №3" и "Симфонические танцы". Это никак не связано с Первой мировой; даты написания — 1909 и 1940. "Симфонические танцы" вообще созданы вдали от России и посвящены американскому The Philadelphia Orchestra. Поиски глубокой мысли в этом сопряжении кадров — занятие тупиковое. Иногда режиссёры хотят выпендриваться.

У краткой истории есть первый акт, завязка и нет чётко выраженного финала — слухач и его товарищи попадают в плен; уходят в бесконечность. Немецкое парнишкур, изловившего Алёшу, высмеивают за мелкую добычу. Пруссачок — аналог "мальчика русского". Такая же потешная сущность в плохо подогнанной форме. Оба хотели Подвига. Оба — песчинки. По сути, фильм заканчивается ничем, и тут лучше всего подходит диалог из хэмингуэвской классики: "Я знаю, что война — страшная вещь, но мы должны её довести до конца. — Конца нет. Война не имеет конца".

Наиболее странно, что при тотальной неувлекательности и кинематографической бедности, "Мальчик русский" смотрится на одном дыхании, — вернее, зритель встраивается в ритм, задаваемый фабулой и уже не может оторваться.

ЧЕМУ НАС УЧИЛИ

С НАЧАЛА "перестройки" и по сию пору господа-либералы и прочие дефективные, то есть, пардон! — эффективные менеджеры активно ругали советскую систему образования, а равно как и "ненужность физики для жизни". Приводили в пример западный опыт — как назло, не самый лучший; вышучивали "дуру-химичку" с её фенолфталейном и прочей возгонкой хлорида аммония, цедя сквозь зубки, что помнят исключительно C₂H₅OH, да и то на вкус.

Раздавались взвизги на тему: вот в Скандинавиях учат житейским наукам, вроде сексологии. Одна дамочка "с хорошим лицом" и печальными глазами как-то заявила мне лично: "С электричеством люди сталкиваются раз в жизни, а сношались каждый день по несколько раз". Интересная возня у этих людей с хорошими генами! Раз в жизни — это как? При соприкосновении с оголёнными проводами что ли?! Оказалось, что экзамен по "дурацкой" физике бывает раз в жизни. У них.

И литература-то была — дурацкая, то бишь устаревшая, и преподаватели оказывались не похожи на весёлых блондинов из американских молодёжных комедий "про колледж". А ещё в правильных-западных-школах учат лидерству и умению зарабатывать деньги. Всё, детки. Больше вам ничего не нужно! А проводку починит дядя Вася — родом из того поколения, которое чего-то соображало.

В одной статье, высмеивавшей советские хитрости из "Науки и жизни", говорилось, что в нормальной стране всё продавалось, а хомо-советикусов беспрестанно изобретал клей, парник для огурцов, фонарь, приёмник. В другой иронической заметке — шла издёвка над пионерами — они по книжке выращивали цыплят в самодельном инкубаторе (повесть Николая Носова "Весёлая семейка"). В третьей — авторша бесилась, что её заставляли бегать на физкультуру два (ужас!) километра и учить никому не нужные азимуты. А надо-то другое — как управлять фирмой и гутарить по-аглицки.

Но пронеслись годы. Сейчас перед нами — резко и неумолимо — нарисовалось весёлое будущее, которое, быть может, связано с банальным выживанием. Это не паника — это реальность, и я, в отличие от людей с "супер-генетикой", хорошо училась в советской школе и могу пробегать не только два километра. Начиная с того, что помню про Болдинскую осень, когда Пушкин создал "на карантине" целую россыпь жемчужин русской словесности, а заканчивая тем, как чинить всё ту же проводку. Советского человека исподволь готовили к трудностям и, если быть откровенными, к выживанию в суровых условиях — могли послать по распределению на Север и на Юг, в тайгу, в степь. Учили не капризничать.

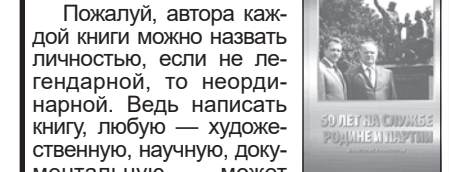
Разумеется, моё "поколение перестройки" не такое умное и смекалистое, как наши мамы-шестидесятницы, но кое-что из самого лучшего в мире образования мы всё-таки ухватили. Но, главное, мы понимаем слово "дисциплина". А вот расслабленно-разболтанная Европа, привыкшая за последние семьдесят лет к свободам, вольностям и разным "сексологиям", теперь пожинает плоды своей комфортно-толерантной бытности.

Пусть цветут все цветы? Так они резко вянут при первой опасности. Я не злорадствую — я люблю Европу, с её готикой, барокко и рококо, но не люблю расхристанность — в широком узком смысле этого понятия. И вот уже доктора из "дикой" России спасают Италию от нашествия чумы-2020. Неубитое советское образование опять себя явило во всей своей красе. И руки-то мы моем чаще — на биологии рассказали о микробах. Так-то, children!

Галина ИВАНКИНА

Александр ТАРНАЕВ. 50 лет на службе Родине и Партии. Из летописи лихолетья. — М.: Издательство ИТРК, 2020. — 280 с.

Пожалуй, автора каждой книги можно назвать личностью, если не легендарной, то неординарной. Ведь написали книгу, любую — художественную, научную, документальную, — может человек именно неординарный. С биографией. Способный создавать художественные миры, характеры. Умеющий фиксировать события и точно или же необычно их подавать. Склонный к анализу, исследованию...

Вот и автор книги "50 лет на службе родине и партии" Александр Тарнаев — личность. Полковник военной контрразведки, многолетний помощник Геннадия Зюганова, депутат Думы VI созыва, в предисловии он чётко формулирует, кому адресована его работа: "Эта книга для тех, кто придёт после нас". И что стало мотивом её создания: "Размышления о переходе лично и всей нашей отечественной, о противоречивости и трагизме произошедшего, побудили меня взяться за перо и рассказать о своих мыслях и чувствах, чтобы правда о случившемся не исчезла бесследно, а стала наглядным уроком для будущего, чтобы наши молодые соратники объективно знали историю России, делали соответствующие выводы и не допускали очередного предательства Родины".

Сама судьба Александра Петровича может показаться приключенчески невероятной для поколения "постсоветов", а для тех, кто жил во времена Советов, — это судьба одного из нас. Деревенский мальчик из мордовского села, он поступает в Ульяновское высшее училище связи имени С.Орджоникидзе, где конкурс — семь человек на место! Дальнейшая служба в полку связи в Казахской ССР, предложение работать в органах КГБ (сверхпочётная служба, недостижимая мечта очень многих тогда). Работа по обеспечению безопасности во время летних Олимпийских игр в Москве в 1980 году — отдельный интересный этап жизни. Как проходили сами игры, кто победил, какие интриги плелись вокруг этого события, обо всём этом известно многое. А как шла работа негласная, как определялись слабые звенья, какие провокации готовились, как были предотвращены — об этом знают единицы. И Александр Тарнаев — один из этих немногих.

Службёные командировки в Афганистан, Монголию, в Группу советских войск в Германии. Захватывающее чтение, самый настоящий приключенческий роман — описание работы в ГСБГ. "Один наиболее запомнившийся случай, как мне приходилось нейтральноизвывать разведывательную деятельность иностранных военных миссий связи, дислоцировавшихся в Западном Берлине. Обычно я подбирал место, где могла появиться иностранная военная миссия с целью ведения разведки. Ставил в засаду боевые машины, и когда миссия на автомобиле появлялась в поле нашего зрения, одна или две наши машины перекрывали дорогу перед миссией и зади неё. Из засады выходили бойцы, вставали возле машины и блокировали её. Разведчики из машины не выходили, это их территория, и мы не имели права проникать в неё. И мы, и они сразу докладывали руководству. Мы составляли протокол задержания и сопровождали их до границы с Западным Берлином. Как правило, после таких задержаний и составления протокола экипаж этой машины высылали из страны как не справившихся с заданием... В этот раз я решил выманить иностранную военную миссию из Западного Берлина и захватить её. Я курировал разведывательный батальон, дислоцировавшийся недалеко от населённого пункта Дальгов, в 3-х километрах от Западного Берлина". И далее — увлекательный рассказ о поединке двух разведок.

Почти 25 лет Александр Тарнаев прослужил в Советской армии и КГБ СССР.

Августовские события 1991 года, случайная встреча с Горбачёвым на спектакле в Малом театре, заданный тому вопрос: "Вы развалили мировую социалистическую систему, уничтожаете Советский Союз. Предаете партию. Скажите, что дальше?", невозмутительный ответ и пустословие о необходимых процессах. Окончательное понимание, что Горбачёв не ошибается, не лишён информации, а всё делает умышленно, и потому так странно, с точки зрения нормального гражданина, ведёт себя по отношению к стране — губит государство.

Вступивший в партию в 1975 году, Александр Тарнаев из коммунистических рядов не выходил. Своим убеждением и взглядом остался верен. Глава книги "Из КГБ в КПРФ" рассказывает о переломном моменте в жизни. Об активном участии в патристическом движении. Книга невелика по объёму, но сколько интересной информации в ней сконцентрировано! Как рассказов об известных, судьбоносных событиях, участником и свидетелем которых был автор, так и о малоизвестных фактах, что помогают понять, каковы были движущие силы истории. Надо сказать, что исследователям как лихих девяностых, так и не менее насыщенных девяностых, книга Александра Тарнаева будет очень существенным подспорьем.

Названия некоторых глав книги говорят сами за себя: "Приватизация по Чубайсу", "Трагедия 1993 года", "Президентская компания 1996 года", "От президентских выборов до дефолта", "От Примакова до Путина", "Бандеровские прихоти получили отпор в Страсбурге", "Непобеждённый Ратко Младич".

Отдельно можно отметить главу "О друзьях-товарищах". Александр Петрович отдаёт дань людям, которые встретились в его жизни на разных этапах. И для каждого он находит особенные, тёплые слова, будь то депутат, министр или помощник в делах. Трогательны его слова и об ушедших друзьях.

Книга — сочетание бесстрастной констатации фактов и событий, и в то же время — тёплое, заинтересованное повествование о жизни человека в его стране, судьба которой ему дорога, и за которую он чувствует свою ответственность.

Екатерина ФЁДОРОВА

Книга "Как жил, работал и воспитывал детей И.В. Сталин. Свидетельства очевидца" (Артём Сергеев. Екатерина Глушик). Справки по тел.: 8-985-256-91-24

ИЕРОГЛИФЫ БУДУЩЕГО

Под красным знаменем

В ТЁПЛОМ СОЧИ, который из сталинского курорта для трудящихся давно превратился в образцовый капиталистический город, на улице Корчагина по-прежнему стоит маленький домик самого советского писателя — Николая Островского. Затерявшийся среди деповых и гостиничных небоскрёбов, он — словно штаб партизанского отряда на временно оккупированной территории.

Комсомольцы тридцатых строили дом ударными темпами, воплощали замысел архитектора: в окна должно быть видно море. В 1936 году писатель уже совершенно ослеп. И всё-таки близкое его душе море было рядом. Сегодня разглядеть волны можно разве что с крыши — прекрасная панорама давно приватизирована, высоты надёжно закрыли берег.

В этом доме Николай Островский прожил всего полгода — последние в своей жизни. "Как закалялась сталь" писалась в начале 30-х на съёмных квартирах, когда семья едва сводила концы с концами: заработка жены не хватало, а пенсией государству платили с переборами. Сегодня от тех квартир остались одни адреса — нет ни зданий, ни памятных знаков.

Можно не сомневаться: та же судьба постигла бы и сочинский дом на улице Корчагина, не будь у него статуса памятника федерального значения. По словам сотрудников музея, сладкий кусок недалёкой от моря земли не даёт спать не одному строительному магнату.

Характер Николая Островского, его книги и его слава рождены временем — никто не тянул начинающего писателя на пьедестал. В 30-е не было недостатка в героях: лётчиках, полярниках, шахтёрах, маршалах. Он же, казалось, остался за бортом устремившегося в будущее советского ледокола. Страна бросилась в пучину великих дел, и ей некогда было замечать потерянных бойцов Гражданской войны, которую индустриальный темп жизни уже отодвинул в далёкое прошлое.

Но так вышло, что вожаком и духовным лидером, путеводной звездой государства, которое развивалось быстрее всех на планете, стал именно Островский — слепой и не способный встать с постели. Человек, от которого не осталось ничего, кроме разума и воли.

Писателя отлили в бронзе и вытесали из камня, его книги перевели на десятки языков, его имя поселилось на улицах городов, где он никогда не был. Но воля Островского не смогла остановить его гибель — не смогла она остановить и гибель первого советского проекта.

Нет ничего более несовместимого, чем неуёмная жажда жизни и борьбы, которую воплощал Николай Островский, — и потребительская некрофилия, ставшая культом новой эпохи.

Главный роман писателя выбросили из школьной программы, а сочинский дом-музей вместо прежнего бесконечного потока экскурсионных групп стала посещать редкие, но тем более дорогие гости.

И всё же так продолжалось недолго. Островский и сам был живуч, а убить то, чем он жил и о чём писал, оказалось невозможным. Сегодня в музее достаточно взять в руки книги отзывов, чтобы понять: именно этот необычный писатель вывел образ будущего, формулу XX и XXI веков.

Подавляющее большинство записей — на китайском языке. Со страницы на страницу переходят иероглифы с признаниями в любви к советскому писателю. Есть записи и на русском — опять же, оставленные ки-

тайцами. "Как закалялась сталь" — главная книга жизни", "Я счастлив побывать здесь" — и становится ясно, что многие из гостей и русский язык учили для того, чтобы прочитать Островского в оригинале.

Например, в июне 2019 года дома писателя побывал председатель Верховного народного суда КНР Чжоу Цян: в это время в Сочи проходило совещание председателей верховных судов государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Высокопоставленные российские руководители тоже регулярно бывают в Сочи: совещаются, катаются на лыжах, играют в хоккей. Но Николай Островский в круг их интересов не входит.

Сотрудники музея вспоминают, как у них была в гостях легендарная женщина, председатель Всекитайской ассоциации инвалидов Чжан Хайди, смотрела вокруг со слезами на глазах и признавалась, что исполнила свою мечту.

В Китае Чжан Хайди знают сотни миллионов человек. В пять лет она внезапно и навсегда разучилась ходить — врачи нашли опухоль в спинном мозге. С тех пор жизнь ребёнка превратилась в череду укулов и операций, но болезнь прогрессировала, и вскоре девочка вовсе перестала чувствовать тепло ниже груди.

Единственным спасением было чтение. Через несколько лет она взяла в руки роман "Как закалялась сталь". Книга была семейной реликвией — отец подарил её матери вскоре после знакомства. По словам Чжан Хайди, именно эта книга помогла ей выжить и глубоко изменила отношение к себе и миру вокруг.

Чтение стало окном во Вселенную. Лежа в постели, Чжан Хайди освоила школьную программу и университетский курс, слушая радио, изучила несколько иностранных языков, и, наконец, сама стала писательницей, книгами которой с 80-х годов зачитывается весь Китай — всего издано около 2 млн. иероглифов её прозы. Тогда же Чжан Хайди стали называть китайским Павлой Корчагиной.

"Пока я жива, я должна быть нужным обществом человеком", — не раз повторяла писательница. В начале 2000-х она добилась права водить машину, несколько лет назад выступила с инициативой специальной страховки для детей-инвалидов.

С начала XVIII века в Китай шли православные миссионеры — не только нести Слово Божие, но и строить мост между русской и китайской цивилизациями. В разные времена православие в Китае то расцветало, то оказывалось на грани гибели. В 1900 году во время восстания икхуаней в Пекине были убиты 222 православных китаица.

После Синьхайской и Октябрьской революции, когда христианство в Китае освободилось от ограничений, а через границу хлынул поток русских эмигрантов, в Поднебесной стали массово открываться храмы и монастыри. Через полвека в годы другой революции — Культурной — они закрывались и разорялись.

Над Китаем перестали звонить колокола. Но на смену проповеди Евангелия пришёл образ Корчагина: всё та же великая идея победы над Смертью — гибели ради людей, мученичества и возрождения для вечной Жизни. "Как закалялась сталь" оказался новым посланием Русского мира

Обложка одного из китайских изданий романа Николая Островского «Как закалялась сталь»

Китайскому миру. Павка Корчагин снова стал героем динамичной и устремлённой в будущее страны, которая бросила вызов устоявшей и развращаемой постмодерном цивилизации Запада. Этот образ, созданный почти век назад, объединяет народы России и Китая, а память об этом замечательном писателе — я уверен! — сохранится, и сочинский музей снова станет местом "памялочинства" для поклонников творчества Николая Островского со всего мира.

Юрий ГОЛУБЬ